

МЕЖДУ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ НАЦИЕЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

А.Б. Панченко

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
alexeypank@rambler.ru*

Аннотация. В современной науке в качестве одной из классификаций используется деление наций на гражданские и этнические. Считается, что первые формировались в Западной Европе, а вторые – в Центральной и Восточной. Также говорится о двух типах национализма – гражданском, при котором упор делается на принадлежность к одному государству, и этническом, где определяющую роль играет культурно-языковая близость. В России дискурс о нации вступил в активную фазу на рубеже XVIII–XIX вв., причем в нем изначально присутствовали обе парадигмы. В статье выделяются группы акторов этого дискурса, описываются их позиции по вопросу о природе нации, определяются точки пересечения между двумя парадигмами. Основными группами являлись литературные кружки Н.М. Карамзина и А.С. Шишкова, для которых ключевым вопросом было направление развития русского литературного языка; реформаторы, приближенные к Александру I и участники движения декабристов, для которых более значимым был вопрос гражданских прав и свобод. Особняком стоит фигура С.С. Уварова, который подвел итог первому этапу дискурса о нации, введя в оборот формулу «православие, самодержавие, народность». Важнейшими источниками российского дискурса о нации стали идеи германского литературного течения «Буря и натиск», а также представления о гражданских правах и свободах, порожденные Французской революцией. Поскольку участники российского дискурса были знакомы как с германской, так и французской общественной мыслью, то стали возможны пересечения, вызванные попытками сочетать идеи гражданской и этнической нации.

Ключевые слова: гражданская нация, этническая нация, национализм, литературные кружки, декабристы, С.С. Уваров

Введение

Дискуссии, развернувшиеся после поручения президента РФ В.В. Путина разработать закон о российской нации, отчетливо показали существование в России двух принципиально разных подходов к пониманию термина «нация». Первый из них опирается на традиции советской этнографии, в рамках него нация трактуется как тип этноса, характерного для развитого классового общества (на-

---

Панченко Алексей Борисович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета.

чиная с эпохи капитализма). В рамках второго подхода, который распространен в западной науке, под нацией понимается общность граждан одного государства. Из научной сферы обе эти трактовки перешли в общественно-политический дискурс, порой сосуществуя в рамках одного и того же текста. В этой связи особый интерес представляет обращение к истокам отечественных дискуссий о природе нации, первым проектам нациестроительства, в которых проявились оба ныне существующих подхода.

В современной науке широко распространенной является точка зрения, что для Западной Европы характерно конструирование гражданских наций, тогда как для Центральной и Восточной Европы, а также стран Востока – этнических¹. Как указывает К. Калхун: «В первом случае национальная идентичность считается чем-то, что возникает вследствие законного членства в сложившемся политическом государстве; членство в нации определяется прежде всего политической идентичностью граждан. В последнем случае национальная идентичность определяется на основе неких культурных или этнических критериев, отличных от политического гражданства и, возможно, предшествующих ему»². О том же писал и Х. Кон: «Национализм на Западе возник в связи с попыткой построения нации в условиях современной политической реальности; он не придавал особенного значения сантиментам по отношению к прошлому. Националисты в Центральной и Восточной Европе часто использовали мифы прошлого и мечты о будущем для создания идеала отчизны, тесно связанного с прошлым, лишенного всякой непосредственной связи с настоящим»³. В качестве классического примера гражданской нации называются французы, этнической – немцы. При этом в обоих случаях речь идет о том, что национальные государства складываются как, в основном, моноэтнические или, по крайней мере, на основе близкородственных этнических субстратов.

Однако при изучении национальных проектов в Российской империи необходимо учитывать несколько принципиальных особенностей, которые не позволяют однозначно классифицировать их как гражданские или этнические. Во-первых, если в Европе конструирование нации происходило исключительно в метрополии, не затрагивая колонии на других континентах, то в России, поскольку на официальном уровне постулировалось отсутствие колоний, этот процесс касался всей империи. Из этого вытекает вторая особенность – очень пестрый этнический состав, причем русские не составляли подавляющего большинства. Третий принципиальный момент заключается в том, что представители элиты, участвовавшие в дискурсе о нации, по большей части получили образование на основе французской культуры, но при значительном влиянии классической немецкой философии и литературы. Это привело к тому, что в Российской империи возникло несколько различающихся национальных проектов, но существующих в рамках одного дискурса.

А.И. Миллер указывает, что до Французской революции понятие «нация» в Российской империи использовалось в двух значениях: как синоним суверенного государства и как обозначение дворянской корпорации, которая легитимизирует

¹ Калхун 2006, 176–186; Смит 2000, 86–94.

² Калхун 2006, 180.

³ Кон 2001, 445.

власть монарха⁴. Позже произошло «вторичное» заимствование из контекста революционной Франции, теперь под нацией понималась надсословная общность, наделенная суверенитетом и правом политического представительства, с ней неразрывно связывалось представление о конституции и реформах⁵. Однако незамеченным оставался тот факт, что практически в это же время формировался принципиально иной взгляд на природу нации, лучше всего отраженный в «Речах к немецкой нации» И.Г. Фихте, прочитанных в Берлине в 1807–1808 гг.

С точки зрения И.Г. Фихте, основным признаком нации является единство, основанное на сохранении и развитии живого языка. В этом случае язык является отражением национального духа, основой национальной культуры и предпосылкой для создания национального государства⁶. В силу этого важнейшим средством развития нации является создание системы образования, которая была бы способна транслировать это языковое единство как на образованные слои, так и на народ (под которым И.Г. Фихте понимал непривилегированные сословия). При этом, хотя в лекциях И.Г. Фихте и говорилось только о немецкой нации, эти положения могли быть экстраполированы на любую другую. После того, как в 1809 г. эти лекции были напечатаны, они стали достоянием читающей публики, в том числе и российских дворян, получавших образование или служащих в посольствах в германских княжествах. Более того, в Российской империи идеи И.Г. Фихте попали на благодатную почву, поскольку именно в это время начали разворачиваться дискуссии о русском (или российском) литературном языке.

Литературный и политический дискурс о нации 1810–1820-х гг.

Это проявилось в формировании двух направлений литературно-языкового дискурса, которые условно можно обозначить как «панславянское» и «национальное». Первое было представлено известным поэтом Г.Р. Державиным, президентом Российской академии А.С. Шишковым, писателем-драматургом С.А. Ширинским-Шихматовым, переводчиком и поэтом Н.И. Гнедичем, писателем И.А. Крыловым и другими. Представителями второго направления были историк и литератор Н.М. Карамзин, поэты В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, В.Л. Пушкин, дипломат и будущий попечитель Петербургского учебного округа С.С. Уваров и ряд других. Свое организационное оформление в виде небольших кружков эти течения получили несколько позже: в 1811 г. прошло первое заседание «Беседы любителей русского слова», а в 1815 г. – «Арзамасского общества безвестных людей». Сходясь во мнении, что литература и язык есть проявления и средства формирования национального самосознания («Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел»⁷), эти направления спорили о том, что должно стать основой русского литературного языка – старославянский, обеспечивающий возможность общеславянского единства, или же новый, основанный на упрощении стиля и калькировании слов из европейских языков (в первую очередь французского).

⁴ Миллер 2012, 8–14.

⁵ Миллер 2012, 14–17.

⁶ Фихте 2009, 108–128.

⁷ Шишков 2011б, 44.

Параллельно с литературно-языковым разворачивался и «гражданский» дискурс о нации, инициированный планами Александра I по модернизации империи. Эти попытки начались с первых лет его правления и традиционно связывались с именем М.М. Сперанского, который подготовил ряд проектов для кардинальных преобразований в империи. Хотя М.М. Сперанский не использовал понятие «нация», но неоднократно оперировал конструктом «гражданственности» в различных вариантах: граждане государства, гражданские права, гражданские обязанности и даже сограждане – как наиболее близкое к французскому пониманию нации. Говорил М.М. Сперанский и о народном духе, трактуя его вполне во франко-американской традиции – как «общее мнение»: «внутреннее убеждение большей части людей, в каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от постоянного действия климата, правительства и законов»⁸. Не призывая прямо к копированию западноевропейского опыта, он, тем не менее, предлагал именно те преобразования, которые должны были привести к созданию гражданской нации по образцу французской, английской или американской.

Важным фактором выработки общего подхода к конструированию единой нации могла стать начавшаяся в 1812 г. война с Наполеоном (которая позже получила название Отечественной). Однако она показала только то, что среди элит нет реальной готовности к созданию гражданской нации, а для формирования этнической существует слишком большой культурный разрыв между сословиями. Приоритет сословной идентичности над национальной четко проявился, в частности, в двух манифестах, написанных А.С. Шишковым и подписанных Александром I. В первом из них, обращенном к жителям Москвы, только один раз говорилось о «российском воинстве», а собственно призыв защищать Россию был обращен не к русским или россиянам, а к сословиям: «да распространится в сердцах знаменитого Дворянства Нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет Бог и православная наша Церковь»⁹.

Во втором манифесте, обращенном уже ко всему населению России, также один раз упоминался «народ Русский, храбрый потомок храбрых Славян», причем под народом в данном случае понимались исключительно «неблагородные сословия». Сам же призыв гласил: «Да встретит он [неприятель – А.П.] в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном – Палицына, в каждом гражданине – Минина»¹⁰. Правда, дальше отмечалось, что для победы над врагом все три сословия должны объединиться и действовать вместе, правда исключительно под предводительством дворян.

Единственным исключением стал текст, написанный А.С. Шишковым после занятия Москвы Наполеоном: о сословных различиях не упоминалось ни разу, зато встречались такие обороты, как «великий народ российский», «Сколь ни болезненно всякому Русскому слышать» и «Верный народ Твой [Бога – А.П.]»¹¹. Связано это было, скорее всего, с серьезностью самого события – впервые за последние двести лет древняя столица оказалась в руках неприятеля. Но уже по-

⁸ Сперанский 1961, 77.

⁹ Шишков 2011а, 62.

¹⁰ Шишков 2011а, 63.

¹¹ Шишков 2011а, 68–70.

сле отступления французов из Москвы в тексты вновь возвращаются сословия: «Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил! Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны»¹². И вновь понятие «русский народ» прилагалось исключительно к низшим сословиям. Соответственно, образ войны как «народной» или «национальной» в дискурсе власти отсутствовал.

Одним из итогов войны стала дискредитация идеи гражданской нации (как приведшей к власти Наполеона – «Аттилу девятнадцатого века») в глазах Александра I, что привело к вытеснению этого направления дискурса из публичной сферы. Однако начинаются попытки создать проект такого государственного строя, в котором будет сочетаться сохранение сословных различий и единая гражданская общность (например, проект Уставной грамоты Н.Н. Новосильцова, где упоминались такие понятия, как «российский народ» и «российские подданные» и вместе с ними «дворянские собрания» и «гражданские общества»).

Первой попыткой осмыслить значение войны для России стал манифест «О благополучном окончании войны с Французами и об изъявлении Высочайшей признательности к верноподданному народу за оказанные в продолжении войны подвиги» (от 1 января 1816 г.)¹³. В этом сочинении (последнем написанном А.С. Шишковым для Александра I) понятие «народ» в том или ином виде упоминалось 22 раза. По большей части это относилось к народам Европы, французскому народу (понимаемому и как простонародье, и как нация в целом). Применительно к России этот термин упоминался трижды, причем один раз в очень любопытном контексте – как «Российское Христолюбивое воинство и народ», один раз говорилось и «Россияне, любезные Наши верноподданные». По всей видимости, это первая попытка в послевоенную эпоху подчеркнуть существование единства всех сословий России как россиян, которые в равной мере являются верноподданными, что и считается главным признаком российской нации.

В то же время в рамках литературно-языкового дискурса противоречия между «Беседой» и «Арзамасом», обострившиеся к середине 1810-х гг. к середине 1820-х постепенно сошли на нет, а бывшие непримиримые критики начали признавать заслуги друг друга в становлении русского литературного языка. Благодаря «арзамасцу» П.А. Вяземскому в русский язык вошло одно из важнейших понятий этнонационального дискурса – «народность». В 1819 г. он начал использовать слово «народность» в качестве перевода французского «nationalité». В сочинении 1824 г. «Разговор между Издателем и Классиком» П.А. Вяземским этот термин понимался как некоторая характеристика народа, отличающая его от других, которую можно только прочувствовать¹⁴. Интересно, что перевод понятия был осуществлен по тем правилам, которых придерживался А.С. Шишков – не «национальность», а именно «народность».

В условиях отказа от либеральных преобразований «гражданский» дискурс о нации оказался вынесен в непубличную сферу, где получил развитие в среде

¹² Шишков 2011а, 78–79.

¹³ ПСЗ 1830, 424–429.

¹⁴ Вяземский 1996, 153.

будущих участников декабрьского восстания¹⁵. При всей ориентации на дискурсивные практики Франции, США и Великобритании в нем проявилось несколько любопытных моментов, часто прямо противоречащих идее гражданской нации, порожденных спецификой структуры населения Российской империи. Так, в проекте Конституции Н.М. Муравьева говорилось о том, что народ русский – это все население страны и именно народ является источником всей власти в государстве¹⁶. Однако при этом не каждый русский является Гражданином России, так же, как не каждый Гражданин является русским¹⁷. Права гражданства могли приобретаться и утрачиваться, что резко противоречило идее нации как гражданской общности. Кроме того, гражданских прав были лишены все кочевые народы, проживающие в империи¹⁸. Таким образом, этот проект фактически подразумевал существование двух пересекающихся, но не совпадающих общностей – политической (граждане) и этнической (русские), а также третьей общности – кочевой, которая существовала полностью автономно от двух других.

В проекте «Русской правды» П.И. Пестеля¹⁹ говорилось о разделении населения любого государства (под которым понималась одна из форм гражданского общества) на две группы: Правительство («повелевающие») и Народ («повинующиеся»)²⁰. В трактовке П.И. Пестеля понятия «народ» и «гражданское общество» – тождественные: «Народ есть совокупность всех тех Людей, которые, принадлежа к одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество, имеющее целью своего существования возможное Благоденствие Всех и каждого»²¹. Особый интерес представляет то, что в документе, пожалуй, впервые в истории отечественной политико-правовой мысли вводилось такое понятие, как «Право Народности»²², под которым подразумевалось то, что позже получит формулировку «право наций на самоопределение». Однако данное право распространялось только на этнические меньшинства в полиэтничных государствах, тогда как для титульного этноса подразумевалось наличие «Права Благоудобства» – стремления максимально расширить свои границы и укрепиться за счет более малочисленных народов²³. При этом «Право Народности» применяется только в том случае, если малый народ сам способен создать свое государство и сохранять его независимость от соседей. В противном случае для таких народов за благо долж-

¹⁵ При этом среди декабристов были распространены самые разные подходы к определению понятия «нация». Например, К.П. Торсон в духе XVIII в. понимал под ней государство в целом (Торсон 1995). Для К.Н. Батюшкова было присуще этнокультурное понимание нации, для которой важнейшим признаком является развитый литературный язык (Батюшков 1977, 36). Очень часто декабристами использовался термин «национальность», под которым, как правило, понималось то же, что и «народность» в трактовке П.А. Вяземского. Использование именно такого варианта, по видимому, было вызвано тем, что декабристы гораздо лучше владели французским языком, нежели русским.

¹⁶ Муравьев 2010, 303.

¹⁷ Муравьев 2010, 303–304.

¹⁸ Муравьев 2010, 307.

¹⁹ П.И. Пестель в ряде случаев также использовал термин «нация» в значении «государство» (Пестель 1951).

²⁰ Пестель 2010, 324.

²¹ Пестель 2010, 327.

²² В этом тексте народность понималась в духе П.А. Вяземского, а не как синоним термина «народ».

²³ Пестель 2010, 334.

но считаться войти в состав другого государства и ассимилироваться: «А посему лучше и полезнее будет для них самих, когда они соединятся духом и обществом с большим Государством и совершенно сольют свою Народность с народностью Господствующего Народа, составляя с ним только один Народ и переставая бесполезно мечтать о Деле Невозможном и Несбыточном»²⁴.

Применительно к Российской империи говорилось, что «Правом Народности» могут воспользоваться только поляки, поскольку они были единственными, у кого прежде существовало независимое государство. Все остальные инородческие окраины: «Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Белоруссия, Малороссия, Новороссия, Бессарабия, Крым, Грузия, Весь Кавказ, Земли Киргизов, все Народы Сибирские и разные Другие племена, внутри Государства обитающие»²⁵ – никогда подлинной независимостью не обладали, а потому должны быть ассимилированы. Более того, для реализации «Права Благоудобства» необходимо присоединить к России такие территории, как «1) Молдавия. 2) Те Земли Горских Кавказских Народов, России не Подвластных, которые лежат к Северу от Границ с Персиею и Турцию, а в том числе и Западную приморскую часть Кавказа, Турции ныне принадлежащую. 3) Земли Киргиз Кайсакских орд, кочующих к северу от хребта гор, идущего от Бухтарминской крепости прямо к Аральскому морю. И 4) часть Монголии, так, чтобы все течение Амура, начиная от озера Далая, принадлежало России»²⁶.

Вообще теме народов, проживающих в Российской империи, в «Русской правде» П.И. Пестеля уделялось очень большое внимание. Руководитель Южного тайного общества был одним из первых, кто выделил этническую структуру населения России, составив классификацию на основе нескольких критериев: язык, религия, гражданское состояние, тип хозяйства, уровень развития и т.д. Все население им было разделено на три больших категории: «Коренной Народ Русский», присоединенные к России племена и иностранцы, проживающие в России. Каждая из этих категорий делилась на несколько более мелких. Так, русские делились на россиян, малороссиян, украинцев, руснаков и белоруссов, различающихся только по территории проживания и существующему ныне способу управления ими.

Присоединенные к России племена были поделены на десять групп: Племя Финское; Племя Латышское; Племя Молдавское; Колонисты, в России поселенные; Народы Кочующие; Племя Татарское; Народы Кавказские; Казаки; Восточные Народы Сибирские; Народ Еврейский. Здесь уже действовало больше критериев – помимо этногенетического родства и территории проживания, в ряде случаев учитывался образ жизни, тип ведения хозяйства, язык, религия и т.д. Для каждой из групп П.И. Пестелем предлагались свои стратегии русификации и ассимиляции, основанные на особенностях этих народов.

Иностранцы были разделены на две группы: подданные и неподданные, в зависимости от их юридического статуса по отношению к государству. Подданные должны быть ассимилированы, либо отказаться от подданства. Вторая категория

²⁴ Пестель 2010, 334.

²⁵ Пестель 2010, 335.

²⁶ Пестель 2010, 338.

иностранцев была лишена политических и гражданских прав, получить которые они могли, только приняв подданство и согласившись на ассимиляцию.

Фактически проект П.И. Пестеля был первым, подразумевавшим конструирование моноэтничного национального государства из полиэтничной империи. Особенности различных народов, проживавших в России, должны были учитываться только в момент выбора средств и методов ассимиляции, после этого их ожидало исчезновение. Во многом это предвосхитило русификаторскую политику Александра III и напоминало западноевропейский путь строительства гражданских наций.

Оба декабристских проекта отличало конструктивистское отношение к проблеме нации. Они игнорировали такие понятия, как «идентичность» и «самосознание», считая, что возможно создание новых общностей людей исключительно законодательными и административными мерами. В отличие от участников литературно-национального дискурса, декабристов не интересовали культурные, языковые, психологические характеристики народов Российской империи, в том числе и русских. Хотя П.И. Пестель и использовал понятие «народность», но только для того, чтобы определить, должен ли тот или иной народ подвергаться ассимиляции или нет. Поражение восстания 14 декабря 1825 года на долгие годы исключило вопросы гражданской или политической нации из публичной сферы.

Проект С.С. Уварова

В то же время как для правительства, так и для ряда интеллектуалов была очевидна необходимость в создании некоей альтернативы политическому национализму. И если в основной части Российской империи он представлял только потенциальную опасность (которая после неудачи декабристов стала еще менее вероятной), то в Царстве Польском был вполне реальным, что и проявилось в ходе польского восстания 1830–1831 гг. Хотя Польское Патриотическое общество и пыталось установить контакты с декабристскими организациями (а декабристы планировали дать независимость Польше), переговоры не привели к каким-либо результатам, выступление декабристов поляками было проигнорировано, а поводом для восстания послужили революции во Франции и Бельгии.

Именно польское восстание, а не война 1812 года сыграло значительную роль в зарождении российского национального самосознания. Большая часть образованного общества поддержала действия правительства по подавлению выступления поляков, причем во многом это было из-за великопольских амбиций его руководителей, планировавших восстановить Речь Посполитую, включив в свой состав малороссийские и белорусские губернии. Последовавшая за польским восстанием реакция европейского общества дополнительно вызвала всплеск патриотизма. Стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России» стало выражением этого подъема. В то же время значительная часть русского общества не отказывала полякам в праве на национальное самоопределение, речь шла о том, что вопросы Польши и России являются внутренними и не подлежат суду европейцев. Однако было понятно, что здоровое национальное чувство не может быть построено только на конфронтации с другими народами, требовалась какая-то позитивная повестка, выраженная в понятной всем формуле.

Именно в таком контексте С.С. Уваровым была подана Николаю I записка «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», в которой впервые прозвучала формула «Православие, Самодержавие, Народность». Многие исследователи, занимавшиеся толкованием этой триады, часто упускали из виду то, что она не была абсолютным новшеством. Еще в 1825 г. один из предшественников С.С. Уварова на посту министра Народного просвещения и противник по вопросу о русском языке А.С. Шишков упоминал в письме А.А. Аракчееву формулу «Церковь, Престол и Отечество»²⁷ (в свою очередь она вытекала из военного лозунга XVIII в. «За Веру, Царя и Отечество!»). А то, что перевод понятия «nationalité» был осуществлен именно по принципам А.С. Шишкова, говорит о необходимости искать определение этого понятия в предшествующих дискурсах.

Неопределенность триады (как и любого элемента государственной идеологии) допускала различные толкования понятий, ее составляющих. Например, лидер евразийства Н.С. Трубецкой утверждал, что «вся эта формула свободно могла быть заменена одним только словом “самодержавие”», поскольку народность – это «соединение самодержавия с православием»²⁸. В то же время современный историк А.Л. Зорин отметил, что «два первых члена триады выступают в качестве своего рода атрибутов национального бытия и национальной истории и оказываются укорены в третьем – пресловутой народности»²⁹. А.И. Миллер говорит об утилитарном характере триады и, в частности, ее последнего члена: «в конечном счете, и народность в представлении Уварова утилитарна. Чтобы понять, что Уваров думает на этот счет, надо исходить из предположения, что для него главная ценность – это империя, и народность – это функциональный элемент, который, с его точки зрения, теперь нужен, чтобы империю удержать»³⁰.

В отличие от «nationalité», имевшего устойчивые политические характеристики (гражданственность, конституционализм, либерализм), «народность» несла исключительно культурно-языковое значение. Более того, если нация обозначала все население страны как сообщество равноправных граждан, то под народом в Российской империи в большинстве случаев понимались низшие сословия, в первую очередь – русские крестьяне. Соответственно, понятие «народность» в данном случае могло обозначать условный набор качеств, присущих русскому крестьянству, – набожность, верность престолу, патриотизм и т.д. В то же время в триаде в качестве самостоятельных членов присутствовали и православие, и самодержавие, что свидетельствует об их самоценности. Это давало возможность наполнить понятие народности несколько иным содержанием, включив в него язык, традиции, мироощущение – все то, что в современной науке обозначается термином «этничность».

Можно рассматривать «триаду» С.С. Уварова не просто как попытку примирить два дискурса о нации – политико-правовой и культурно-языковой – но как создание нового национального проекта. Если «самодержавие» – это альтернатива «гражданственности», а «народность» – развитие идеи этнической нации,

²⁷ Шишков 1869, 88.

²⁸ Трубецкой 2007, 485.

²⁹ Зорин 2004, 362.

³⁰ Миллер 2007.

то «православие» в этой формуле выступало как связующее звено между ними и одновременно как идеология, на основе которой можно строить единую нацию в условиях полиэтничной империи. Самодержавие можно считать «унифицирующим» компонентом формулы С.С. Уварова (все население России – подданные императора, в противовес «гражданам» при демократическом устройстве). Народность – это «дифференцирующий» компонент, подразумевающий за каждым из народов империи право сохранить свои уникальные черты. Православие же оказывается «синтезирующим» элементом, некоей идеологией, позволяющей сформировать единую картину мира и систему ценностей у всего населения империи без полной русификации.

Заключение

Таким образом, уваровская «триада» должна была стать инструментом конструирования российской нации, которая не является ни гражданской, ни этнической, но включает в себя некоторые принципы и той, и другой. Православие должно было послужить в качестве скрепы, соединяющей элементы унификации и дифференциации. Именно в эпоху правления Николая I организуется большая часть духовных миссий в Сибири: Алтайская (1828 г.), Обдорская (1832 г.), Кондинская (1844 г.), Туруханская (1850 г.). Их задача – распространение православия среди инородцев и старообрядцев. Именно С.С. Уваров подводит итог первому этапу дискуссий о принципах создания российской нации, пытаясь примирить гражданскую и этническую концепции. В условиях сохранения крепостного права и сословного деления, но понимания необходимости модернизации империи, иной национальный проект был вряд ли возможен. В дальнейшем дискурс о нации продолжился в эпоху Великих реформ, но уваровская «триада» активно использовалась на протяжении всего имперского периода. Опыт реализации этого национального проекта должен быть учтен и при разработке анонсированного закона о российской нации.

ЛИТЕРАТУРА

- Батюшков, К.Н. 1977: Вечер у Кантемира. В кн.: И.М. Семенко (ред.), *Опыты в стихах и прозе*. М., 34–51.
- Вяземский, П.А. 1996: Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова: Вместо предисловия <к «Бахчисарайскому фонтану»>. В кн.: В.Э. Вацуру, С.А. Фомичев (ред.), *Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827*. СПб., 152–156.
- Зорин, А.Л. 2004: *Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в.* М.
- Калхун, К. 2006: *Национализм*. М.
- Кон, Х. 2001: Идея национализма. *Ab Imperio* 3, 419–450.
- Миллер, А.И. 2007: *Триада графа Уварова*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>
- Миллер, А.И. 2012: История понятия «нация» в России. В сб.: А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле (ред.), *«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода*. Т. II. М., 7–49.

- Муравьев, Н.М. 2010: Конституционный проект Н.М. Муравьева. В кн.: А.Н. Медушевский (авт.-сост.), *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века*. М., 302–322.
- Пестель, П.И. 1951: Практические начала политической экономии. В кн.: И.Я. Щипанов (ред.), *Избранные социально-политические и философские произведения декабристов*. Т. II. М., 11–72.
- Пестель, П.И. 2010: «Русская правда» (Конституционный проект П.И. Пестеля). В кн.: А.Н. Медушевский (авт.-сост.), *Конституционные проекты в России XVIII – начала XX века*. М., 323–399.
- ПСЗ 1830: *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года*. Собрание II. Т. XXXIII. СПб.
- Смит, Э. 2000: Образование наций. В кн.: А.А. Прусаускас (авт.-сост.), *Этнос и политика: Хрестоматия*. М., 86–94.
- Сперанский, М.М. 1961: О силе общего мнения. В кн.: С.Н. Валк (ред.), *Проекты и записки*. М.–Л., 77–83.
- Торсон, К.П. 1995: Взгляд на изобретение и распространение машин. В кн.: П.В. Волобуев (ред.), *Естественнонаучное наследие декабристов. Г.С. Батеньков, Н.А. Бестужев, М.А. Бестужев, К.П. Торсон*. М., 306–316.
- Трубецкой, Н.С. 2007: Мы и другие. В кн.: Е. Басова (ред.), *Наследие Чингисхана*. М., 480–497.
- Фихте, И.Г. 2009: *Речи к немецкой нации*. СПб.
- Шишков, А.С. 1869: *Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова*. М.
- Шишков, А.С. 2011а: Краткие записки, веденные в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. В кн.: О.А. Платонов (ред.), *Огонь любви к Отечеству*. М., 47–205.
- Шишков, А.С. 2011б: Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в беседе любителей русского слова. В кн.: О.А. Платонов (ред.), *Огонь любви к Отечеству*. М., 23–46.

REFERENCES

- Batyushkov, K.N. 1977: Vecher u Kantemira. In: I.M. Semenko (red.), *Opyty v stihah i proze*. Moscow, 34–51.
- Calhun, K. 2006: *Natsionalizm*. Moscow.
- Fichte, I.G. 2009: *Rechi k nemetskoj natsii*. Saint-Petersburg.
- Kon, H. 2001: Ideya natsionalizma. *Ab Imperio* 3, 419–450.
- Miller, A.I. 2007: *Triada grafa Uvarova*, <http://polit.ru/article/2007/04/11/uvarov/>
- Miller, A.I. 2012: Istoriya ponyatiya «natsiya» v Rossii. In: A. Miller, D. Sdvizhkov, I. Shirle (red.), *«Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda*. Т. II. Moscow, 7–49.
- Murav'ev, N.M. 2010: Konstitutsionnyy proekt N.M. Murav'eva. In: A.N. Medushevskiy (avt.-sost.), *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 302–322.
- Pestel', P.I. 1951: Prakticheskie nachala politicheskoy ekonomii. In: I.Ya. Shchipanov (red.), *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya dekabristov*. Т. II. Moscow, 11–72.
- Pestel', P.I. 2010: «Russkaya pravda» (Konstitutsionnyy proekt P.I. Pestelya). In: A.N. Medushevskiy (avt.-sost.), *Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka*. Moscow, 323–399.
- PSZ 1830: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda*. Sobranie II. Т. XXXIII. Saint-Petersburg.

- Shishkov, A.S. 1869: *Zapiski admirala Aleksandra Semenovicha Shishkova*. Moscow.
- Shishkov, A.S. 2011a: Kratkie zapiski, vedennye v byvshuyu s frantsuzami v 1812 i posleduyushchih godah voynu. In: O.A. Platonov (red.), *Ogon' lyubvi k Otechestvu*. Moscow, 47–205.
- Shishkov, A.S. 2011b: Rassuzhdenie o lyubvi k Otechestvu, chitannoe v 1812 godu v besede lyubitely russkogo slova. In: O.A. Platonov (red.) *Ogon' lyubvi k Otechestvu*. Moscow, 23–46.
- Smit, A. 2000: Obrazovanie natsii. In: A.A. Prazauskas (avt.-sost.), *Etnos i politika: Hrestomatiya*. Moscow, 86–94.
- Speranskiy, M.M. 1961: O sile obshchego mneniya. In: S.N. Valk (red.), *Proekty i zapiski*. Moscow–Leningrad, 77–83.
- Torson, K.P. 1995: Vzglyad na izobretenie i rasprostranenie mashin. In: P.V. Volobuev (red.), *Estestvennonauchnoe nasledie dekabristov. G.S. Baten'kov, H.A. Bestuzhev, M.A. Bestuzhev, K.P. Torson*. Moscow, 306–316.
- Trubetskoy, N.S. 2007: My i drugie. V kn.: E. Basova (red.), *Nasledie Chingishana*. Moscow, 480–497.
- Vyazemskiy, P.A. 1996: Razgovor mezhdu Izdatelem i Klassikom s Vyborgskoy storony ili s Vasil'evskogo ostrova: Vmesto predisloviya <k «Bahchisarayskomu fontanu»>. In: V.E. Vatsuro, S.A. Fomichev (red.), *Pushkin v prizhiznennoy kritike, 1820–1827*. Saint-Petersburg, 152–156.
- Zorin, A.L. 2004: *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX v.* Moscow.

BETWEEN CIVIL AND ETHNIC NATION: NATIONAL PROJECTS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD OF THE 19th CENTURY

Alexey B. Panchenko

Surgut State Pedagogical University, Russia,
alexeypank@rambler.ru

Abstract. In modern science the division of nations into civil and ethnic is used as one of the classifications. It is considered that the first ones were formed in the Western Europe, and the others – in the Central and Eastern Europe. It is also said about two types of nationalism – the civil one: the emphasis is made on belonging to one state, and in the ethnic nationalism a defining role is played by cultural-language propinquity. In Russia the discourse about the nation entered an active phase at the turn of 18th and 19th centuries, and there were both paradigms initially. In the article actors' groups of this discourse are allocated, their views of the nation's nature are described; points of intersection between two paradigms are defined. The main groups were N.M. Karamzin's and A.S. Shishkov's literary societies for which the direction of the Russian literary language development was a key question; as well as the reformers close to Alexander I and the participants of Decembrists movement considering the question of the civil law and freedom was more significant. S.S. Uvarov's personality must be viewed separately as he summed up the first stage of the discourse about nation, having introduced the formula «orthodoxy, autocracy, nationality». The major sources of the Russian discourse about the nation became the ideas of the German literary movement «Storm and impulse», as well as concepts about civil law and liberty, generated by the French revolution. As participants of the Russian discourse were familiar both with German and French public ideas, the intersections caused by the attempts to combine the ideas of the civil and ethnic nation became possible.

Key words: the civil nation, the ethnic nation, nationalism, literary societies, Decembrists, S.S. Uvarov